

Император вовсе не был настолько бездарным правителем. В противном случае он не смог бы обойти шестнадцать других принцев и унаследовать трон, а затем всего за несколько лет вернуть утраченные земли, двинуться с походами на юг и к двадцати пяти годам объединить Север и Юг.

Наблюдая за тем, как самозабвенно премьер-министр расшибает лоб перед дворцовым залом, император со временем почувствовал, как в нем пробуждается беспричинное упрямство и дух противоречия.

Он нарочно стал заявлять на советах прямо в лицо премьер-министру, что в этом году намерен повысить налоги, дабы пополнить казну, планирует пойти войной на запад и уничтожить государство Даюэ, с которым они всегда были в добрых отношениях, и собирается запретить любую торговлю с другими странами.

Каждый раз, слыша подобное, премьер-министр лишь тяжело вздыхал — и снова бросался к колонне. Сотня чиновников в зале тут же привычно разделялась на две группы, каждая из которых знала свою задачу: одни удерживали премьер-министра, другие зывали к императору.

Когда премьер-министра удавалось благополучно остановить, он приподнимал широкий рукав и принимался притворно утирать слезы. Его руки при этом мелко дрожали — точь-в-точь как когда-то у старого премьер-министра. Однако в исполнении молодого преемника это выглядело как-то иначе.

Он подражал плачу верного старца, тщетно пытаясь слезами пробудить совесть императора.

Но слезы не пробудили совесть молодого монарха. Они пробудили лишь твердость у него между ног.

С того ракурса, где стоял трон, императору всё было прекрасно видно, да и зрение у него было отменное.

Пока премьер-министр делал вид, что бьется о колонну, в неизбежной потасовке с удерживающими его чиновниками он в конце концов оказывался сидящим на полу.

Его талия была тонкой, как ивовая ветвь, а пряди волос у висков выбивались из прически и спадали на лицо.

И хотя плакал он не слишком искренне, уголки его глаз наливались алой влагой, и этот нежный, едва уловимый розовый оттенок с лица переходил на мочки ушей, а затем разливался по шее.

Прозрачные слезы крупными каплями катились вниз.

Он разыгрывал сцену неудавшегося самопожертвования, когда верный подданный безмолвно льет горькие слезы прямо в тронном зале, но эти слезы проливались прямо в сердце императора.

Какое там «старый чиновник утирает слезы»! Это был чистой воды «красавец в слезах»!

Словно прекрасного юношу обидели и толкнули на пол прямо в зале; его плач заставлял сердце императора трепетать, невольно пробуждая в нем острую жалость и желание обладать.

Император поспешно произнес:

— Ладно, ладно, Я не стану этого делать. Скорее поднимайся.

Только тогда премьер-министр опускался на колени и восклицал:

— Ваше Величество мудр!

Его «свита» из чиновников тут же подхватывала хором:

— Ваше Величество мудр!

Императору уже исполнилось двадцать пять. В юности он был слишком занят борьбой за трон, все его помыслы были отданы карьере и бесконечным войнам на Севере и Юге. У него никогда не возникало мыслей о плотских желаниях, и, разумеется, он в них совершенно не разбирался.

Теперь же вожделение к премьер-министру в его сердце было подобно ростку, который вот-вот пробьется сквозь почву.

Но из-за своего невежества император не мог облечь это в слова. Он лишь чувствовал, что каждый раз, когда видит премьер-министра, бросающегося на колонну и льющего слезы, внизу живота разливается странная сладость, а на душе становится неопишимо хорошо.

Даже ночью, стоит ему уснуть, он видит во сне, как премьер-министр бьется о колонну и плачет. Но из-за ограниченности знаний сны его заканчивались на моменте со слезами, а проснувшись, он не понимал, что делать с неожиданной влагой на постели.

Повинуясь этому инстинкту, дарующему ему столь приятное облегчение, он каждый день выдвигал в зале новые, всё более причудливые и абсурдные идеи.

Главной обязанностью премьер-министра, помимо помощи в государственных делах, стало ежедневное «битие о колонну» на утреннем приеме. Со временем он к этому привык: бросался по первому зову, а слезы лились сами собой.

Если раньше ему приходилось в суматохе тайком подносить к глазам платок, смоченный мятным маслом, то теперь в этом не было нужды.

В народе пошли слухи, что император скор на расправу и жесток, и только премьер-министр осмеливается говорить ему правду в глаза. Благодаря ему император всякий раз останавливается у края пропасти, не давая стране погибнуть.

Поистине — великий и преданный министр!

Все, кто заговаривал о нем, не скупилась на похвалы.

Когда эти восторженные отзывы дошли до ушей премьер-министра, он подумал: «А ведь я и правда отлично справляюсь!».

Императора же не заботила молва в народе — лишь бы премьер-министр каждый день приходил в зал, бился о колонну и плакал.

Все стороны были крайне довольны сложившимся положением дел.

<http://bllate.org/book/17312/1620381>